

Роль России и Ирана в урегулировании карабахского конфликта

Михаил Агаджанян (Армения)

Роль России и Ирана в урегулировании карабахского конфликта трудно переоценить. Будучи странами напрямую не вовлечёнными в карабахский конфликт, Россия и Иран выступали и продолжают выступать важнейшими акторами в карабахском урегулировании, в поддержании стабильности и мира вокруг региона конфликта. Нельзя не отметить объективные факторы конструктивной и стабилизирующей роли Москвы и Тегерана в карабахском вопросе, среди которых мы можем упомянуть, например, такие как ровные отношения России и Ирана со всеми сторонами карабахского конфликта, взвешенную и равноудалённую позицию в карабахском урегулировании, чего однозначно нельзя сказать о другом акторе в Южном Кавказе – Турции. Россия и Иран не только словами, но и своими действиями вносят элементы стабильности вокруг зоны карабахского конфликта, свой вклад в невозобновление военных действий.

В нашей работе мы условно делим роли России и Ирана в карабахском вопросе на три этапа, которые взаимосвязаны между собой и имеют логику своего развития во благо мира в Южном Кавказе. Это прошлое, настоящее и вероятное будущее, с которым армянская сторона связывает свои надежды, выстраивая отношения стратегического партнёрства с Россией и Ираном.

Роль России на предшествующих этапах карабахского конфликта и его урегулирования не нуждается в развёрнутом представлении. Здесь мы лишь хотели бы отметить один важнейший факт, который очень прост сам по себе, но это не умаляет его веса для армянской стороны и служит одной из основ наших надежд на продолжение конструктивной роли России в карабахском вопросе. Известно, что не четыре известные резолюции Совета Безопасности ООН легли в основу прекращения огня в зоне карабахского конфликта и дальнейшего хода политического урегулирования в рамках Минской группы ОБСЕ. Главную роль в заключении соглашения о бессрочном перемирии от 12 мая 1994 года сыграли именно российская дипломатия и политические усилия Москвы¹. Опираясь на этот

факт, можно с уверенностью заключить, что роль российской дипломатии, при тесном сотрудничестве с двумя другими акторами в формате Минской группы ОБСЕ в лице США и Франции, имеет все предпосылки для того, чтобы перейти в новое качество, а именно трансформироваться из роли главного субъекта по склонению всех сторон конфликта к перемирию в роль одного из ведущих субъектов урегулирования на пути к заключению всеобъемлющего мирного договора между Арменией, Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджаном.

Роль Ирана в исторической перспективе карабахского вопроса также весьма значительна. Если обратиться на несколько веков назад, к началу 19 века, то необходимо отметить тот факт, что территория исторического Карабаха, которая приблизительно занимает ту площадь, на которой ныне осуществляется фактическая государственная власть НКР, была в то время в ареале противоборства двух держав, а именно России и Персии. В 1805 году территория исторического Арцаха, формально получившая название Карабахского ханства, коренным и численно преобладающим населением которого на протяжении предыдущих и последующих веков были армяне, вместе с обширными районами Восточного Закавказья перешла к Российской империи, что было закреплено Гюлистанским 1813 года и Туркманчайским 1828 года договорами между Россией и Персией. В условиях отсутствия на тот момент Армении в качестве независимого государства, присоединение Карабаха к Российской империи сыграло прогрессивную роль для армян Арцаха, стало важнейшим фактором сохранения армянского народа на территории его автохтонного расселения. Интересно отметить, что на это обращали внимание русские исследователи ещё в середине 19 века. Так, они указывали, что благодаря присоединению Карабаха к России его население было спасено от полного физического уничтожения: достаточно указать на тот факт, что в результате опустошительных войн к моменту присоединения Карабаха к России там не осталось и половины прежнего населения².

¹ В преддверии подписания соглашения о прекращении огня в зоне карабахского конфликта, когда особую активность в достижении такого соглашения проявила российская сторона, иранские газеты писали о необходимости тесного сотрудничества Ирана с Россией, для того чтобы не допустить распространения турецкого влияния на регион. (*"Tehran Times"*, 13 February 1994).

² Записки Алексея Петровича Ермакова, Ч. II, М., 1868, С. 7 - 8.

Более близкий нам по историческому времени взгляд не может не отметить известные посреднические усилия Ирана в мае 1992 года, когда 7 мая 1992 года в Тегеране было подписано Совместное заявление глав государств Исламской Республики Иран, Азербайджанской Республики и Республики Армения¹.

В период особого обострения карабахского конфликта, когда он перешёл в фазу открытого военного противостояния между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, Иран пребывал в двойственной ситуации². Последняя была обусловлена тем, что в виду многих оснований иранская сторона должна была проявить полную солидарность с Азербайджаном. В середине 1990-х годов на это обращали внимание иранские эксперты, в то время об этом писали иранские газеты. Так, иранские эксперты указывали, что “иранскому правительству пришлось столкнуться с давлением общественного мнения своего населения и в особенности со стороны своей азербайджанской общины. С годами это давление уменьшалось, но всякий раз, когда азербайджанская армия терпела поражения от армян, оно вновь вытекало на поверхность”³. Однако,

¹ В соответствии с этим Заявлением, “Стороны договорились, что в течение недели по прибытии в регион (Баку, Ереван, Нагорный Карабах) специального представителя Президента Исламской Республики Иран г-на М. Ваези, после проведения переговоров с заинтересованными сторонами и при поддержке глав государств Азербайджана и Армении, осуществляется прекращение огня и одновременно открываются все коммуникационные дороги с целью обеспечения экономических потребностей”.

Взгляд иранского экспертного сообщества на имевшие место в первой половине 1990-х годов посреднические усилия Ирана и России по карабахскому урегулированию весьма обстоятельно изложен в работе заместителя президента Центра стратегических исследований при Совете по целесообразности принимаемых решений Ирана М. Ваези (*Mahmoud Vaezi, Karabakh's Crisis: Iran's Mediation and the Aftermath, December 2008*). В 1988-1999 годах М. Ваези был заместителем министра иностранных дел Ирана, а в начале 1990-х годов возглавлял посреднические усилия Ирана в карабахском урегулировании.

² В 1991-1994 годы Россия также находилась в достаточно деликатной ситуации вокруг карабахского конфликта. Так, в совместной публикации нескольких российских экспертов в “Независимой газете” от 5 февраля 1993 года указывалось, что конфликт самым непосредственным образом влияет на двусторонние отношения России с Арменией и Азербайджаном. Каждая из сторон понимает, что по крайней мере открыто Россия не может принять ни одну из сторон, что они могут рассчитывать лишь на доброжелательный нейтралитет России в этом конфликте. Чтобы обеспечить его, в ход пускаются все возможные средства, в частности обвинение России в приверженности интересам противоположной стороны, а это препятствует или осложняет возможности России действительно занять такую позицию”. (Карабахский конфликт: Состояние и пути урегулирования // “Независимая газета”, 05.02.1993).

³ *Abdollah Ramezanzadeh, Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis // Contested Borders in the Caucasus, (Ed. Bruno Coppetiers), Brussels: VUB Press, 1996.*

иранская сторона адекватно представляла себе обоснованность права армянского народа Нагорного Карабаха на построение собственной государственности, объективно оценила агрессивную устремлённость Азербайджана силой подавить законные устремления карабахских армян.

Объективно оценивая сложившуюся в то время ситуацию как внутри Ирана, так и за его пределами, иранские эксперты писали, что “для иранских властей карабахский конфликт создал шанс усилить свою роль на международной арене. Признание Ирана в качестве региональной державы было главным интересом иранского правительства. Иран не только расширил своё влияние в регионе, демонстрируя свою способность выступать сильным игроком, но он также предотвратил разрастание конфликта на свою собственную территорию”⁴.

Тегеран всегда принимал как минимум опосредованное участие в процессе урегулирования, чётко обозначая свои интересы. Наиболее активно он это делал до 1997 года, взаимодействуя по дипломатическим каналам с Россией. После того как в ОБСЕ был сформирован институт сопредседательства Минской группы с участием России, США и Франции, активность Тегерана в вопросе урегулирования снизилась. Однако, незадолго до известной встречи в Ки-Уэсте в 2001 году, международные посредники в вопросе урегулирования конфликта провели серию консультаций и с иранской стороной, прекрасно осознавая, что её интересы должны быть соблюдены.

Начавшиеся в 1992 году широкомасштабные боевые действия в зоне конфликта разворачивались на фоне взвешенной позиции России и Ирана, которые не вмешиваясь в конфликт, тем не менее всегда внимательно следили за его военным развитием. Мы не можем не отметить факт подписания Арменией 15 мая 1992 году Договора о коллективной безопасности и начало становления вытекающих отсюда союзнических отношений между Россией и Арменией. Мы не можем не отметить факт тесного военно-технического сотрудничества между Россией и Арменией, что стало одним из значительных факторов в нынешнем поддержании баланса сил в зоне конфликта в его военной составляющей. Мы также не можем не отметить ту огромную роль, которую сыграл Иран в самый сложный период противостояния Нагорно-Карабахской Республики военной агрессии Азербайджана в 1992-1994 годах, когда узкий участок границы между Республикой Армения и Исламской

⁴ *Abdollah Ramezanzadeh, Ibid.*

Республикой Иран стал для нас во многом “дорогой жизни”¹.

На нынешнем этапе очевидна роль России и Ирана в качестве стран, вносящих свой вклад в невозобновление военных действий в зоне конфликта, нахождения между всеми сторонами конфликта точек для выхода на его урегулирование. В подтверждение конструктивной и взвешенной роли Москвы свидетельствуют заявления российского руководства. Так, по итогам своего визита в Ереван в середине января этого года, министр иностранных дел России Сергей Лавров отметил необходимость участия Нагорного Карабаха в процессе подготовки мирного договора по разрешению карабахского конфликта: “Мы исходим из того, что в процессе подготовки такого договора позиция населения Карабаха не может не учитываться”.

Официальный комментарий МИД России по парламентским выборам в НКР от 24 мая 2010 года также свидетельствует о взвешенном подходе российской дипломатии к карабахскому урегулированию. В данном комментарии в лаконичной форме было закреплено видение Россией дальнейшего хода урегулирования: “будущий статус Нагорного Карабаха должен быть определён без применения силы в результате политических переговоров между всеми (выделено автором) сторонами в рамках минского процесса”.

Позиция иранской стороны не менее конструктивна. 19 февраля этого года посол Исламской Республики Иран в Республике Армения Сейед Али Сагайян сделал ряд важных заявлений, касающихся карабахского урегулирования. Была в очередной раз подтверждена позиция Ирана о необходимости мирного урегулирования карабахского конфликта и готовности иранской стороны внести свой вклад в налаживание отношений между Арменией и Азербайджаном. Представляя позицию Ирана относительно возможности размещения миротворческих сил в зоне карабахского конфликта, господин Сагайян заявил, что “судьбу этих территорий должны решать стороны конфликта”, вместе с тем подчеркнув, что Иран, как страна, “имеющая общие границы с Нагорным Карабахом, выскажет свои замечания и позицию относительно состава миротворческих сил, которые, возможно, будут размещены на этих территориях”.

Возможности России и Ирана применительно к карабахскому урегулированию в будущем видятся нам в следующем. Обе страны, имеющие непосредственные границы с Южным Кавказом, а Иран, что особенно важно, со всеми тремя сторонами карабахского конфликта, заинтересованы в поддержании стабильности в зоне конфликта. Нынешняя ситуация свидетельствует, что стабильность может быть обеспечена при поддержании статус-кво в зоне конфликта. Для нас нынешний статус-кво в зоне карабахского конфликта – это не самоцель. Мы уже достигли практически всех наших целей, в том числе и по созданию необходимых основ построения государственности Нагорного Карабаха в его исторических территориальных пределах, в пределах исторического Арцаха, в границах безопасной и жизнеспособной государственности. Поддержание существующего статус-кво видится нам безальтернативным подходом в складывающейся вокруг зоны конфликта ситуации, в условиях непрекращающегося военного шантажа Азербайджана, который своими реваншистскими заявлениями на самом высоком политическом уровне держит собственную общественность и весь регион в состоянии перманентной военной провокации.

Учитывая тесные отношения с Азербайджаном и союзнические отношения с Арменией, Россия могла бы сыграть особую роль в достижении долгосрочного урегулирования в карабахском конфликте. Это должно быть не “надавливание” и не какое-либо принуждение к тем шагам, которые не будут восприняты обществами всех сторон конфликта. Официальная позиция России, ныне заключающаяся в принципе – “стороны карабахского конфликта должны договориться между собой сами, а Россия станет гарантом этой договорённости”, – может стать опорой для усилий официальной Москвы по склонению всех сторон конфликта к заключению соглашения о неприменении силы в карабахском урегулировании. Можно заключить, что от действующего трёхстороннего Соглашения о прекращении огня от 1994 года, через подписанную президентами Армении, России и Азербайджана Майндорфскую декларацию от 2008 года, необходимо перейти к взятию всеми сторонами конфликта международных обязательств о неприменении силы в ходе его урегулирования.

Заключение Соглашения о неприменении силы в карабахском урегулировании должно стать необходимым базисом, неопределимой основой для установления атмосферы доверия в переговорах между всеми тремя сторонами конфликта. Данное Соглашение может быть целесообразным и главным действующим только в трёхстороннем формате (Армения – НКР –

¹ Иран продолжает оставаться одним из главных торгово-экономических партнёров Армении и каждый год возрастает опосредованное торгово-экономическое сотрудничество между Ираном и НКР, на что зарубежные эксперты обращали внимание ещё в конце 1990-х годов (*Svante E. Cornell, Iran and the Caucasus // Middle East Policy, Volume 5, No. 4 January 1998*).

Азербайджан). Оно должно стать первым шагом к реализации следующих этапов в реальном карабахском урегулировании, в виде полноформатных переговоров.

В мировой практике урегулирования схожих по своим причинам и последствиям этнополитических конфликтов современности императивно присутствует настроенность как третьих государств, вовлечённых в посреднические усилия, так и непосредственно самих сторон конфликта на создание благоприятной основы для прогрессивного и нацеленного на конкретный результат развития переговорного процесса. В этой связи можно привести опыт урегулирования конфликта на постюгославском пространстве. Дейтонское соглашение от 1995 года привело к долгосрочной стабилизации ситуации и исключению обращения сторон конфликта к военным способам решения имеющихся разногласий, так как содержало конкретные нормы, обязывающие стороны не прибегать ни при каких условиях к военным действиям.

В Общем рамочном соглашении о мире в Боснии и Герцеговине (*General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina*) стороны конфликта в лице Республики Босния и Герцеговина, Республики Хорватия и Федеративной Республики Югославии в первой же статье договорились, что “Стороны будут осуществлять их отношения в соответствии с принципами, закреплёнными в Уставе ООН, Заключительном Акте и других документах ОБСЕ. В частности, Стороны будут полностью уважать суверенное равенство друг друга, будут решать споры мирными средствами и будут воздерживаться от любых действий, путём угрозы или использования силы или иначе, против территориальной целостности или политической независимости Боснии и Герцеговины или другого государства”. Помимо этой первоочередной нормы, с которой стороны югославского конфликта решили восстановить свои отношения, приложение 1А (*Annex 1A*) “Соглашение о военных аспектах мирного урегулирования” (*Agreement on the Military Aspects of the Peace Settlement*) к Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине детально регламентировало действия сторон и международного сообщества по осуществлению конкретных мер в зоне конфликта после заключения мирного соглашения. Так, статья 2 приложения 1А “Прекращение враждебности” (*Cessation of Hostilities*) регламентировала действия сторон по исключению возможности возоб-

новления военных действий в постконфликтной зоне.

Важно отметить, что отсутствие подобных соглашений применительно к ситуации в отношении, например, к югоосетинскому конфликту стало одной из главных причин сохранения настроенности одной из сторон конфликта на военный реванш.

Российская дипломатия имеет непосредственные возможности влиять на посреднические усилия в рамках Минской группы ОБСЕ, придавая этим усилиям динамизм и последовательность в деле продвижения к взаимосогласованию базовых принципов урегулирования между всеми сторонами конфликта, которые бы, в свою очередь, опирались на известные принципы международного права – принципы неприменения силы, равноправия и самоопределения народов, территориальной целостности.

В международном праве есть прямая связь между двумя принципами, нашедшими своё закрепление в таких основополагающих документах, как Устав ООН и Заключительный Акт СБСЕ 1975 года: мирное разрешение споров и неприменение силы или угрозы силой. Последние документы по карабахскому конфликту, принятые со стороны международного сообщества, ставят принцип неприменения силы на первое место при указании на весь блок международно-правовых принципов, которые должны составить базу карабахского урегулирования. Так, принцип неприменения силы или угрозы силой указан первым в известном Заявлении, принятом 2 декабря 2009 года в Афинах на 17-м заседании Министерского Совета ОБСЕ.

Имевшие место до и после Сочинской встречи трёх президентов 25 января 2010 года экспертные оценки о стремлении Москвы изменить формат Минской группы ОБСЕ путём создания параллельного посреднического формата в процессе карабахского урегулирования, с нашей точки зрения, не должны рассматриваться армянской стороной в “опасном” для себя контексте. Наша позиция по этому вопросу известна – мы стремимся к продолжению международного формата посреднических усилий Минской группы, в рамках которой Россия, США и Франция должны быть в равной степени задействованы в работе по выработке базовых принципов урегулирования и затем всеобъемлющего мирного договора. Вместе с этим, более активные попытки Москвы позитивно содействовать карабахскому урегулированию, путём проведения армяно-российско-азербайджанских

встреч на высшем уровне, абсолютно логичны, учитывая географическую близость и тесные политические, экономические, гуманитарные связи между Москвой и Ереваном, Москвой и Баку. Функциональная миссия этих встреч полностью укладывается в необходимость создания атмосферы доверия в процессе карабахского урегулирования, в том числе и с прицелом на выход к заключению трёхстороннего Соглашения о неприменении силы в карабахском урегулировании между всеми тремя сторонами конфликта¹.

Роль же Ирана в будущих усилиях по карабахскому урегулированию в целом и в вопросе поддержания статус-кво в зоне конфликта в частности предполагается нами, как роль страны, абсолютно не заинтересованной в какой-либо военной эскалации на своих границах, а также не заинтересованной в возможной миротворческой активности на своих границах со стороны стран НАТО. В нынешний период трудно предположить, чтобы такие страны, как США, Франция и другие согласились бы на проведение возможной миротворческой операции в зоне карабахского конфликта исключительно силами стран ОДКБ или только России. Присутствие же сил государств НАТО в зоне конфликта, если даже это будет оформлено мандатом ОБСЕ и/или ООН не может не выступать для Ирана раздражающим фактором.

Как известно, Армения стремится проводить многовекторный, комплементарный внешнеполитический курс. Мы состоим в ОДКБ, но при этом весьма тесно взаимодействуем с НАТО с 1994 года в рамках программы “Партнёрство ради мира”, с 2005 года в рамках Индивидуального плана действий партнёрства (*Individual Partnership Action Plan*). Наши военнослужащие до октября 2008 года участвовали в миротворческой операции в составе коалиционных сил в Ираке, а на нынешнем этапе под эгидой НАТО несут службу в Косово и Афганистане. Вместе с тем, мы прекрасно осознаём, что в Южном Кавказе, в силу многочисленных линий этнополитического размежевания в этом регионе, может произойти масштабная дестабилизация в случае, если на небольшом пространстве реализации миротворческой операции будут выполнять свои

функции военнослужащие как ОДКБ, так и НАТО. Мы также прекрасно осознаём и во многом разделяем опасения и сомнения наших иранских партнёров, которые связаны с возможным присутствием на их северных границах военнослужащих НАТО². В этой связи мы хотели бы отметить некоторые факторы, которые укладываются в общую логику опасений, связанных с возможной антииранской ролью сил НАТО в регионе.

Очевидно возрастающее значение южнокавказского региона при проведении различных военных кампаний. По признанию американских экспертов, США, возможно, нуждаются в грузинских портах для поставок в Азербайджан в случае конфронтации с Ираном или для обеспечения размещения в Афганистане и Центральной Азии. В экспертных обсуждениях на Западе присутствует тема целесообразности нового транспортного маршрута через Грузию и Азербайджан для доставки вооружений и других грузов в Афганистан. Пока этот путь используется как пробный, но в будущем возможно он превратится в постоянный. Как отмечают российские эксперты, хотя этот путь с точки зрения логистики крайне неудобен (хотя бы из-за необходимости морской перевалки грузов через Каспий), однако не исключено, что посредством освоения данного маршрута США попытаются наладить военное сотрудничество на двусторонней основе с Грузией, Азербайджаном³, Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Переброска военных грузов параллельно северным границам Ирана создаёт дополнительные вопросы с точки зрения обеспечения национальной безопасности для этой страны.

² Интересно отметить мнение российского эксперта, члена экспертно-аналитического Совета при Комитете по делам СНГ Государственной Думы России Иннокентия Адясова, который 22 марта 2010 года отметил в частности следующее: “Азербайджан долго настаивал на обязательном присутствии НАТО в миротворческих силах, однако сейчас Баку снял это требование. Ереван хотел бы видеть российские силы в составе миротворцев, но в ходе консультаций Минская группа не поддержала это предложение”. (*Нагорный Карабах: новые инициативы от посредников*, <http://www.fian.ru/analytics/20100322/215727948.html>, 22.03.2010).

³ В конце апреля 2009 года в Баку побывал командующий транспортными войсками США Данкан Макнабб, который, согласно сообщениям информгентств, ознакомился с дорожно-транспортным комплексом Азербайджана. Известно, что на бывших советских военных базах в Кюрдамире, Насосной и Гюлли с весны 2006 года размещены так называемые “временно дислоцированные мобильные силы”, численность которых, по разным оценкам, составляет от 750 до 1300 солдат и офицеров и может быть увеличена как минимум вдвое. Эта группировка предназначена для “миссий стратегического назначения” и в Грузии, главная её функция – защита азербайджано-грузинского участка нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

¹ Можно привести факт выдвижения российскими экспертами более 10 лет назад предложения о реализации последовательных этапов “по реальной деэскалации кризиса”, где первым этапом должно было стать “укрепление мер взаимного доверия и стабильности в зоне конфликта”, в числе которых, в первую очередь, подразумевалось “подписание Декларации о намерениях, включающей общие контуры урегулирования и обязательств сторон не применять военную силу”. (*Востриков С.В.*, Карабахский кризис и политика России на Кавказе // *Общественные науки и современность*, 1999, № 3, С. 81).

Делается вывод о том, что в любом случае США вряд ли откажутся от планов форсированного проникновения на Кавказ и расширения там своего военного присутствия. Это представляет чрезвычайно серьёзный вызов Ирану и России. Сотрудничество Ирана и России может означать более тесную координацию внешней политики, расширение экономического сотрудничества, возобновление ряда свёрнутых ранее программ в образовательной и гуманитарной сфере и, возможно, заключение соглашений военно-политического характера.

Можно отметить также следующие экспертные оценки, которые тесно связаны с рассматриваемым вопросом. Через полтора месяца после известных событий вокруг Южной Осетии в августе 2008 года российские эксперты отмечали, что территория Грузии очень удобна для нанесения американо-израильского удара по Ирану – и в плане достаточной близости к этой стране, и в политическом отношении. Взлетев с грузинской территории, американские и израильские самолёты, чтобы достичь целей в Иране, должны войти в воздушное пространство либо Азербайджана, либо Армении, что, вероятно, с точки зрения Пентагона, не представляет большой проблемы¹. В связи с этим мы можем подчеркнуть, что Армения не пойдёт на предоставление своего воздушного пространства для каких-либо силовых по отношению к Ирану целей. В этом аспекте весьма интересен тот факт, что своими действиями в августе 2008 года, направленными на нейтрализацию агрессии против мирного населения Южной Осетии, Россия практически полностью исключила какую-либо опасность в сторону Ирана с северного направления с задействованием “площадок подскока” в Грузии.

Подобные сведения были представлены не только со стороны российских экспертов. Об этом говорили и западные комментаторы, в том числе и в Вашингтоне. Так, редактор “*Washington Times*” и “*United Press International*” Арно де Боршграв в сентябре 2008 года указывал, что: “По условиям секретного соглашения между Израилем и Грузией два военных аэродрома на юге Грузии предполагается использовать для приёма израильских бомбардировщиков в случае превентивных ударов по ядерным объектам Ирана. Таким образом, резко сократится расстояние, которое потребуется преодолеть израильским бомбардировщикам для поражения целей в Иране. ВВС Израиля планировали доб-

раться до грузинских аэродромов через воздушное пространство Турции”².

Инициатива Тегерана по организации встречи между представителями Армении и Азербайджана при посредничестве иранской стороны, о которой 19 апреля 2010 заявил министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки видится нам в качестве одной из полезных возможностей содействовать сторонам конфликта в поиске точек сближения их позиций. Трёхсторонним встречам в формате президентов Армении, России и Азербайджана придаётся такой же смысл, а именно способствование нахождению дополнительных к формату сопредседательства Минской группы ОБСЕ возможностей сближения позиций двух из трёх сторон конфликта. Если по дополнительной дипломатической активности России, помимо сопредседательства в Минской группе, особых вопросов не возникает, то в отношении схожих инициатив Ирана такие вопросы у внерегиональных сил конечно существуют.

Представляется, что дипломатическая инициатива Ирана обладает объективной основой хотя бы в виду того, что Иран имеет равные

² Де Боршграв А. The Washington Times: Израиль на Кавказе?, www.newsru.co.il, 05.09.2008.

Следует отметить, что гибкая политика Ирана принесла свои плоды и Грузия уже не может рассматриваться с позиций откровенной опасности для безопасности Ирана, как это было до августа 2008 года и в несколько последующих месяцев после этой даты. Показательно в этом плане мы считаем визит министра иностранных дел Грузии Григола Вашадзе в Иран 18 января 2010 года. Официальной целью поездки Г. Вашадзе было обсуждение стратегических вопросов, связанных со стабильностью и безопасностью на Кавказе. В ходе визита, иранская сторона подчеркнула, что расширение НАТО на Восток не принесет никакой пользы странам региона и это было воспринято главой грузинского внешнеполитического ведомства вполне нормально, о чём свидетельствуют его слова о “сбалансированной и принципиальной позиции Ирана в отношении регионального развития”. Г. Вашадзе также озвучил важное в нынешних условиях международного давления на Иран заявление, согласно которому “Иран вправе продвигаться в развитии ядерных технологий”. На фоне муссируемой в международных СМИ информации о том, что в случае удара по Ирану со стороны США и/или Израиля будут использованы базы в Грузии, некоторые примеры которой мы указали выше, важными заверениями главы грузинского МИД стали слова о том, что “Тбилиси никогда не будет участвовать в войне против Ирана, в каких бы союзах не состояла Грузия”.

Мы хотели бы в этой связи обратить внимание и на роль Армении в налаживании и развитии ирано-грузинских отношений, приведя один конкретный пример, имевший место относительно недавно: 26 января 2010 года, через несколько дней после упомянутого визита министра иностранных дел Грузии в Иран, правительственные делегации Грузии и Ирана во главе, соответственно, с премьер-министром Никой Гилаури и министром иностранных дел Манучехром Моттаки одновременно были в Ереване.

¹ Долгов Б., Грузинский фактор в политике США на Ближнем и Среднем Востоке, www.fondsk.ru, 19.09.2008.

отношения со всеми сторонами карабахского конфликта, а также общую границу с ними. Помимо этого любые обсуждения вокруг вопроса возможного размещения в будущем миротворческого контингента в зоне карабахского конфликта не могут не учитывать мнение Ирана как по составу, так и по мандату миссии такого возможного контингента вблизи его государственной границы.

Мы можем только приветствовать инициативность иранской стороны по предложению своих посреднических услуг, при этом делая важное уточнение. Очевидно, что инициативность Ирана в этом вопросе носит региональный характер и основана на объективных элементах также регионального свойства. Если так, то в возможных встречах под посреднической эгидой Ирана должна принять участие и НКР, так как нынешний регион Южного Кавказа не возможно представить без Арцаха, особенно когда речь идёт о южной части этого региона. Проведение встреч президентов Армении и Азербайджана при посредничестве президента России ещё можно представить имеющим смысл при отсутствии президента НКР, так как всегда можно сказать, что эти встречи являются тесным продолжением встреч в формате сопредседательства Минской группы с учётом российского сопредседательства в этой Группе и общим признанием особой роли России в карабахском урегулировании (усилия российской стороны по заключению соглашения о прекращении огня, вхождения Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха в своё время в единый СССР и другое). Всё перечисленное отсутствует в случае с возможным посредничеством Ирана в карабахском урегулировании и единственное, что делает такое посредничество Ирана легитимным, имеющим эффективный потенциал сблизить позиции всех трёх сторон карабахского конфликта, так это придание подобному посредничеству полноформатного регионального вида с необходимым участием НКР.

Оценивая предложение Ираном своих посреднических услуг в карабахском урегулировании в более общем контексте региональной стабильности и безопасности можно сказать, что одним из элементов в намечающейся новой геополитической ситуации в регионе Южного Кавказа, с нашей точки зрения, станет возрастание роли Ирана. В этом отношении нам представляется, что Иран будет выполнять необходимую роль для сбалансирования процессов в регионе Южного Кавказа в целом и вокруг зоны карабахского конфликта в частности.

У Армении с Ираном особые отношения, которые включают весьма ценный для сегод-

няшей действительности межгосударственных двусторонних отношений компонент – взаимное доверие. Последнее основано, помимо прочего, на том, что Армения является государством, которое ни при каких обстоятельствах не поддержит возможные санкции против Ирана. Одновременно с этим, Армения является, по сути, единственной страной в мире, которой со стороны США не возбраняется иметь подобные отношения с Тегераном, так как в Вашингтоне прекрасно понимают сложности Еревана, обусловленные блокадой со стороны Азербайджана и Турции. Компонентом доверия в армяно-иранских отношениях, кстати присущим и для армяно-российских отношений, является присутствие в Иране многочисленной и влиятельной армянской общины. Здесь мы хотели бы обратить внимание на одну из сторон качественной важности присутствия армянской диаспоры в Иране, подчёркивающей доверительный характер армяно-иранских отношений в целом: Армянская диаспора Ирана помогает связывать последний с внешним миром в контексте торгово-экономических, а главное финансовых отношений, поскольку иранские армяне занимаются банковским и торговым делом.

В заключении мы хотели бы отметить, что “внешнеполитический комфорт” Армении в целом и в карабахском вопросе в частности будет реален в случае тесного диалога и согласования позиций по южнокавказской тематике по вектору сотрудничества трёх стран – России, Армении и Ирана. Среди вопросов, по которым возможно достижение согласованных действий и партнёрства трёх стран, мы хотели бы отметить карабахское урегулирование и поддержание статус-кво в зоне карабахского конфликта. В этом заинтересованы все три страны, плюс ещё одно очень молодое, но незаменимое в складывающемся геополитическом рельефе в Южном Кавказе государство – Нагорно-Карабахская Республика.

Источники и литература

1. *Арешев А.Е.*, Нагорный Карабах: становление государственности и переговорный процесс, М.: Русская панорама, 2010.
2. *Захаров В.А., Арешев А.Г., Семерикова Е.Г.*, Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст, М.: Русская панорама, 2010.
3. *Mahmoud Vaezi*, *Karabakh's Crisis: Iran's Mediation and the Aftermath*, December 2008.
4. *Abdollah Ramezanzadeh*, *Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis // Contested Borders in the Caucasus*, (Ed. *Bruno Coppetiers*), Brussels: VUB Press, 1996.
5. *Svante E. Cornell*, *Iran and the Caucasus // Middle East Policy*, Volume 5, No. 4 January 1998.

6. *Востриков С.В.*, Карабахский кризис и политика России на Кавказе // *Общественные науки и современность*, 1999, № 3.

7. *Долгов Б.*, Грузинский фактор в политике США на Ближнем и Среднем Востоке, www.fondsk.ru, 19.09.2008.

8. *Де Боршграв А.* The Washington Times: Израиль на Кавказе?, www.newsru.co.il, 05.09.2008.

The Role of Russia and Iran in Resolving the Karabakh Conflict

Mikhail Aghajanyan

Almost two decades into the cease-fire agreement among all parties to the Karabakh conflict, Russia and Iran – two largest countries neighboring the Southern Caucasus – have continuously held balanced and constructive positions toward the Karabakh peace process. Time and again, Russia and Iran have continued to exert every effort toward bringing the positions of the disputing parties closer to adopting mutually acceptable solutions, resonat-

ing with the foreign policy interests of Moscow and Teheran.

At present, Russia's role in the Karabakh conflict resolution process, at least from the Armenian perspective, is conceived in bringing all parties to the conflict toward resuming obligations that dismiss the threat or use of force in the course of the settlement process. This, it is argued, would underscore Russia's special role in the Karabakh conflict, given its high status in the international arena, military-political prowess in the region, as well as its close economic and humanitarian relations with Armenia and Azerbaijan alike.

The role of Iran can further complement Russian efforts, taking into account that it shares its border with all the three parties to the Karabakh conflict. In particular, Iranian efforts would be especially acclaimed in the conduct of joint economic projects in the region, which would generate trust for restoring the genuine format of political negotiations involving Armenia, the Republic of Nagorno-Karabakh and Azerbaijan.